ЛИКИ ВЕЛИКИХ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

ПЕГГИ ГУГГЕНХЕЙМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОЮЗ ЖЖИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Лики великих» – это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства – эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства. Пегги (Маргарит) Гуггенхейм (1898-1979) была не просто крупнейшим меценатом и одним из самых выдающихся коллекционеров прошлого века. «Она буквально поставила на ноги современное искусство», – писала The New York Times. Именно Пегги стояла у истоков того, что несколько лет спустя вылилось в целое направление – абстрактный экспрессионизм. Ее знаменитая художественная коллекция находится в одном из принадлежавших ей палаццо в Венеции, где Пегги жила последние годы. Иллюстрации Александра Штейнберга.

- Елена Мищенко
  -
  - КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
  - СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ
  - ПЕГГИ
  - АМЕРИКАНЦЫ В ПАРИЖЕ
  - ЛЮБОВЬ И ИСКУССТВО
  - ВОЙНА И МУЗЫ
  - БОГЕМА НЬЮ-ЙОРКА
  - ВЕНЕЦИЯ
  - ВЕНЕЦИНСКИЙ ЗАКАТ
  - Другие книги серии «Лики великих»
  - Об авторах

Елена Мищенко
Александр Штейнберг

ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
Пегги Гуггенхейм (Peggy Guggenheim)

…Сентябрь 1998 года в Венеции был на редкость дождливым. Всегда праздничный город, казалось, потерял свое очарование, старинные палаццо выглядели мрачно, вода в каналах потемнела, нарядные гондолы стояли на причале.

Но внезапно, в полдень 29 сентября, небо прояснилось, лучи солнца пробились сквозь тяжелые тучи, и все заискрилось, ожило. Это был, поистине, подарок судьбы. Старинный, постройки XVIII века, Palazzo Venier dei Leoni, возвышающийся на Grand Canale, там, где он соединяется с Canale di San Marco, зазвучал разными голосами. Его старинные покои заполнили приехавшие сотни гостей.

Немногочисленная прислуга сбилась с ног, подавая, убирая, выполняя приказы. Все было так, как много лет назад, когда была жива ОНА, хозяйка Palazzo – экзотичная и экстраординарная создательница одной из самых значительных коллекций живописи двадцатого столетия – ПЕГГИ ГУГГЕНХЕЙМ.

В тот сентябрьский день 1998 года отмечали сто лет со дня ее рождения. Лучшим памятным событием к столь значительному юбилею стала выставка, которую организовали потомки знаменитого рода Гуггенхеймов, внуки Пегги и ее знаменитого дяди Соломона.

Более четырехсот человек – родственников, немногих оставшихся друзей, поклонников, собралось под крышей старинного венецианского дворца, где Пегги провела последние годы своей бурной жизни. В примыкающем ко дворцу саду был устроен грандиозный прием. Играло несколько небольших оркестров, огромные деревья были украшены светящимися гирляндами, в парке стояли скульптуры, гондольеры распевали итальянские песни и катали гостей по каналам – словом, прием удался на славу.

На следующий день гости разъехались, и снова опустел огромный дворец, в саду погасли яркие электрические гирлянды, тускло светилась бронзовая дощечка на стене, которая обозначала место захоронения четырнадцати любимых болонок

экзотичной хозяйки. Рядом была еще одна бронзовая табличка. Лаконичная надпись гласила: «Тут покоится Пегги Гуггенхейм 1898–1979».

Каким контрастом был приезд четырехсот гостей с тем, последним годом ее жизни! Она умерла одинокой больной женщиной, на похоронах которой едва было более четырех человек.

Ее бурная, нарушающая все дозволенные приличия жизнь, всегда была источником самых разнообразных слухов, скандалов, сплетен. Это часто заслоняло ее образ наиболее известного мецената современного искусства, тонкого знатока и коллекционера.

Всей душой она была предана миру искусства. Она не стала художницей, но благодаря ее поддержке получили развитие три основных направления в современной живописи и скульптуре: кубизм, сюрреализм и абстрактный экспрессионизм.

Несмотря на то, что Пегги собирала произведения художников-модернистов, в глубине души она любила классическую живопись и, будучи уже в весьма зрелом возрасте, как-то сказала: «Я бы не раздумывая отдала всю свою коллекцию лишь за одну картину Джорджоне, итальянского художника эпохи Возрождения».

…Гости разъехались, и на следующий день опять начались дожди.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

В последнее время дела у Бенджамина Гуггенхейма складывались не блестяще. Он давно уже примирился с тем, что его брак разваливается, он редко виделся с женой Флоретт, мало общался и с тремя дочерьми – Бенитой, Пегги и Хэйзел. Последнее время он все чаще находился во Франции. К этому обязывали не только интересы его фирмы International Steam Pump Company, но и многочисленные светские удовольствия, в которых он себе не отказывал.

Однако в апреле 1912 года он решил отправиться в Штаты. Повод для этого был весьма приятный – Хэйзел исполняется девять лет, и Бен решил сделать богатые подарки всем дочерям. Кроме этого, нужно попытаться восстановить дружеские отношения с женой – ее деньги пригодятся в бизнесе, который постепенно приходил в упадок.

До сих пор дела компании, принадлежащей Бену, шли неплохо. Он производил техническое оборудование, и его лифты взмывались вверх по Эйфелевой башне. Однако подобные заказы поступали весьма редко. Для поддержания бизнеса требовались средства, и немалые. Одалживать у братьев не хотелось – Бен не любил выступать в роли просителя.

Он женился на Флоретт в октябре 1894 года. Ей было двадцать четыре года. Ему – двадцать девять. Конечно, красавицей ее назвать было трудно, он мог выбрать себе невесту и поэффектнее, однако она была из семьи Селигман. Несмотря на то, что Гуггенхеймы были намного богаче, все равно Селигманы смотрели на них сверху вниз – у них в Нью-Йорке было то, что называется «положение» в обществе, а это многое значило для Бена, который полностью зависел от поддержки своего клана.

Старшей дочери, которая была названа в честь него самого – Бените – было уже семнадцать. Она была юной леди, красивой, не похожей на свою мать. Однако дочь интересовалась лишь светской жизнью и нарядами. Бен сожалел, что у него нет сына, которому можно было бы со временем передать бизнес.

Итак, Бен решил отправиться в Штаты и поручил секретарю заказать билеты на пароход для себя, шофера Рене Перно и своего помощника Виктора Гиглио. В последнюю минуту оказалось, что пароходный рейс был отменен из-за забастовки кочегаров, и Бен оказался в числе пассажиров, вынужденных искать другой рейс.

Но, как оказалось, судьба была к нему милостива. Бену удалось стать счастливым обладателем билетов двух кают первого класса. Корабль, на котором они должны были совершить

путешествие, был совершенно новым, роскошным, непотопляемым – это был только что спущенный на воду огромный красавец «Титаник».

Билеты были достаточно дорогими – каюты первого класса стоили больше полуторы тысяч долларов только в одну сторону, но корабль был быстроходным, оборудованным по последнему слову техники. Привыкший к роскоши, Бен был доволен тем, что предыдущее путешествие отменилось, и он поменял корабль. Когда он посмотрел список пассажиров и увидел громкие титулы и имена своих будущих товарищей по путешествию, он даже подумал о том, а не послать ли телеграммы своим надменным братцам и не сказать ли им, что дела у него идут намного лучше, чем они предполагают.

Бен был пятым из семи братьев. Пожалуй, только Уильямс, младший, мог понять его, но он давно порвал связи с семьей и был, так же, как и Бен, «бедным» Гуггенхеймом. Впрочем, «бедность» была весьма относительна, так как в случае выхода из бизнеса по договору Бен должен был получить отступных восемь миллионов долларов, что по тем временам было весьма солидной суммой. Однако это он держал втайне от Флоретт.

Прибыв на корабль и войдя в свою каюту, Бен почувствовал, что на «Титанике» понимают, что такое роскошь и элегантность. Ему сразу стало легко, привычно, и он подумал, что в его сорок семь лет у него еще будет возможность повернуть колесо фортуны, и удача улыбнется ему.

…Но этому не суждено было сбыться. Неизвестно, где именно находился Бен в ту роковую ночь на 14 апреля, но совершенно точно, что он, так же, как и другие пассажиры почувствовал сумасшедший скрежет, дрожь огромной могучей машины.

Весьма вероятно, что он мог видеть айсберг, но Бен свято верил в непотопляемость корабля, а также в капитана-ветерана Эдварда Смита, который совершал свой последний рейс перед выходом на пенсию.

Около полуночи Бен, по распоряжению капитана, надел спасательный жилет, а его секретарь предложил надеть поверх жилета теплый свитер – вода в океане была ледяной.

Пассажирам первого класса было обеспечено место в спасательной лодке. Однако в первые же часы, как только стало ясно, что не хватает мест для женщин и детей, Бенджамин Гуггенхейм и Виктор Гиглио совершили мужественный поступок. Они вернулись в свои каюты, переоделись во фраки и начали помогать женщинам и детям садиться в лодки.

Как вспоминали впоследствии те немногие, кому удалось спастись, Бен сказал: «Мы одели все лучшее, чтобы погибнуть как

джентльмены». Возможно, это был лишь миф, как и множество мифов о «Титанике», но есть все основания верить в эти светлые моменты гибели Бенджамина Гуггенхейма.

Стюарду Эдварду, который обслуживал каюты первого класса, удалось спастись. Он прибыл в отель St. Regis в Нью-Йорке, где собрались члены семей погибших, и попросил о свидании с женой Бена. Он рассказал ей о последних часах жизни ее мужа. Его рассказ впоследствии был напечатан в газете *New York Times* от 20 апреля.

«Я видел, как они (Бен и Гиглио) помогали женщинам и детям сесть в лодки. Паника была страшная, но мистер Гуггенхейм всех успокаивал и подавал руку каждой женщине. Что меня удивило, так это то, что они оба – мистер Гуггенхейм и его секретарь были одеты в вечерние костюмы, на них не было спасательных жилетов».

Эдвард добавил, что Бен ему сказал: «Если со мной что-нибудь случится, передай моей жене, что я исполнил свой долг. Никто не стал жертвой моей трусости».

Весть о гибели Бенджамина потрясла его семью. Удивительно, что за восемь часов до его смерти, Флоретт вместе с дочерьми возвращалась домой после посещения одной из родственниц. Мальчишки-газетчики громко выкрикивали: «Экстра»! «Экстренный выпуск!» Хэйзел попросила остановить машину и купила газету. Она сказала матери: «Я чувствую, что-то страшное случилось с папиным кораблем».

Флоретт долго надеялась на то, что Бен не погиб, а пропал без вести, и, возможно, ему удалось спастись. Но, увы, ожидания не подтвердились. Дочери тяжело переживали случившееся. Это наложило отпечаток на всю их последующую жизнь. Хэйзел, младшая, самая любимая отцом, стала художницей, и большинство своих картин она посвятила морской теме, кораблекрушениям. Она даже написала поэму о «Титанике», переложив ее на музыку.

Пегги, которой к моменту гибели отца было четырнадцать, написала в своей автобиографии: «Несколько лет после гибели «Титаника» я не могла прийти в себя, и никогда не примирилась с тем, что у меня нет отца».

Как бы то ни было, но Флоретт осталась вдовой с тремя детьми, ей нужно было думать о том, как жить, как устроить своих девочек.

СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ

После смерти Бена его могущественные братья, Дэниэл, Мурри, Соломон и Саймон, решили забыть семейные раздоры и неурядицы, и каждый внес свою долю в счет погашения долгов погибшего брата.

Весь его капитал в восемь миллионов долларов был поглощен уплатами по долгам, счетам, кредитам. Кроме того, необходимо было погасить задолженности сотрудникам компании, его любовницам, не говоря уже о счетах, покрывающих его расходы на поддержание роскошной жизни в Париже и на юге Франции. Они выделили уставной капитал для Флоретт – 800 тысяч долларов и по 450 тысяч для каждой из дочерей Бена.

Флоретт, узнав о том, что братья ее мужа взяли на себя все расходы, была потрясена. Она не знала, как их отблагодарить, и лишь после смерти отца, который оставил ей в наследство три миллиона долларов, смогла частично отдать долг.

Флоретт всегда была скуповата и прижимиста, а когда они остались без поддержки Бена, она решила поселиться в отеле, там не нужно было содержать большой штат прислуги. Она выбрала довольно скромный отель, но адрес был престижным – Пятая авеню.

Оба больших семейства Гуггенхейм и Селигман прибыли в Америку из Европы примерно в одно и то же время. Здесь, в Новом Свете, они стремились обрести свободу, богатство, обеспеченную старость. Они хотели избежать антисемитских преследований, дать образование детям и внукам.

Гуггенхеймы издавна жили в Германии, в основном, во Франкфурте-на-Майне.

В Америку отправился Симон и его жена Рахиль. У каждого были дети от предыдущих браков – шестеро у Симона и семеро у Рахиль. У них были родственники в Филадельфии, и именно там они предпочли поселиться на первых порах.

Взяв в помощники старшего сына Мейера, Симон открыл лавку по торговле колониальными товарами, в основном, дешевым кофе.

Дела шли неплохо, вскоре Мейер женился, открыл бакалейный магазин, которым он и управлял в течение двадцати лет. Со временем он стал весьма состоятельным бизнесменом. У него родилось восемь сыновей и трое дочерей. Обладая отличным деловым чутьем, Мейер удачно вкладывал деньги, умножая капитал. Он занялся импортом кружев из Швейцарии, что принесло большие доходы. Его состояние к 1880 году

оценивалось в 800 тысяч долларов.

В 1881 году Мейер вложил деньги в горнодобывающий бизнес. Со временем он стал владельцем многочисленных горных копий, расширив свои владения до Мексики, Чили, Аляски и Анголы. Бизнес оказался фантастически прибыльным – рабочая сила была почти дармовой. Это принесло Гугги, как его называли, сотни миллионов долларов.

…Когда Бен Гуггенхейм, один из сыновей Мейера решил жениться на Флоретт Селигман, представители обоих кланов приветствовали этот союз.

Селигманы занимали прочное место в нью-йоркской элите, они с некоторым презрением смотрели на новоиспеченных богачей Гуггенхеймов, но от больших денег не отказались.

Селигманы тоже прибыли из Германии, где они жили в небольшом городке Бэйерсдорф. Так же, как и Гуггенхеймы, они занимались бизнесом, однако направили всю энергию на банковское дело. Когда Джозеф Селигман приехал в Америку, он был весьма амбициозным молодым человеком. Начав карьеру младшим банковским клерком, он к тридцати трем годам стал одним из крупнейших нью-йоркских банкиров.

Братья, а их было четверо, крепко держались друг за друга, понимая, что их сила в единстве. Селигманы обладали еще одним удивительным талантом – знакомиться с нужными людьми, входить в доверие и пользоваться плодами этой дружбы. Так, младшие братья Джозефа, Генри и Джесси, открыв свой бизнес в одном из пригородов Нью-Йорка, подружились с молодым лейтенантом, чья часть стояла поблизости. Эта дружба оказалась неоценимой, ибо впоследствии лейтенант Ulysses S. Grant стал президентом США. Зная деловые качества Джозефа Селигмана, Грант предложил ему в 1860 году пост министра финансов. Но Джозеф испугался принять столь ответственное предложение, в душе он оставался робким еврейским иммигрантом из небольшого городка.

В обоих кланах – Гуггенхеймов и Селигманов – было много эксцентричных личностей. Среди бесчисленных теток, дядей, кузинов Пегги встречались самоубийцы и растратчики, кутилы и отчаянные скупердяи, алкоголики и сластолюбцы. Родственников и ветвей этих кланов было так много, что зачастую они не были знакомы друг с другом.

Флоретт, мать Пегги, унаследовала многие семейные черты: скупость, прижимистость, недоверие ко всему новому, необычному. В числе ее собственных эксцентричных привычек была некая, весьма раздражающая окружающих, манера повторять все сказанное трижды. Так, например, зайдя в модный

магазин, она говорила: «Я хочу купить это платье, платье, платье». Продавщица ей приносила три платья. Эта привычка настолько в ней укоренилась, что часто она надевала три пары часов. Бен не скрывал своей неприязни к ней, а она, чувствуя, что у него есть увлечения на стороне, часто устраивала сцены ревности.

Вот таков был мир, в котором Пегги появилась на свет – равнодушный, фальшивый, в котором на пьедестал был водружен лишь один символ – Его Величество Доллар.

ПЕГГИ

Она родилась 26 августа 1898 года в доме Гуггенхеймов. Ее назвали Маргарэт – что было довольно странно, так как это имя не было связано ни с семейными, ни с еврейскими традициями.

Пегги, как ее вскоре будут называть, получила первые подарки: пятьсот долларов от дедушки Селигмана, бриллиантовые пуговицы и браслет от его жены. Каждый из членов клана Гуггенхеймов одарил новорожденную, многие из этих подарков сохранились у Пегги до конца ее жизни.

Спустя год после ее рождения Бен купил «подобающий» его положению дом, и семья переехала из роскошного, но пыльного и старомодного отеля Majestic в собственный дом.

Бен тогда еще не рассорился с братьями, они помогли ему финансово, и Бен поселил семью на 15 East 72 Street возле Central Park. Место было выбрано не случайно – его соседями были Рокфеллеры, Дюки, вдова президента Гранта и другие нью-йоркские знаменитости. Приобретя дом, построенный в стиле особняков XIX столетия, Бен полностью его перестроил.

Дом был огромным, импозантным, включал в себя все, что было необходимо для того, чтобы произвести впечатление богатства его обитателей. Внутри были большие и малые гостиные, украшенные гобеленами и картинами стены, и, конечно же, библиотека с камином, в которую редко заходили.

Высокие, от пола до потолка окна, были украшены тяжелыми драпировками, все было выдержано в стиле Louis XY.

Пегги, впрочем, так же как и две ее сестры, не была счастлива в этом огромном доме с окнами, вечно задрапированными тяжелыми портьерами. Флоретт воспитывала своих дочерей, следуя правилам, принятым в ее кругу. Жизнь Бениты, Пегги, а позднее и Хэйзел, была строго расписана. Они общались в основном лишь друг с другом. Школьных друзей приглашать в дом не разрешалось. Гувернантки и домашние воспитатели докучали соблюдением строгих правил, в которые Флоретт свято верила. Бенджамин детей видел редко, полностью переложив ведение домашнего хозяйства и воспитание детей на Флоретт. Бабушки с обеих сторон – Гуггенхеймов и Селигманов – были очень строгими, Пегги должна была неукоснительно соблюдать все семейные правила и ритуалы.

Каждое лето семья отправлялась в Европу. Там Пегги открыла для себя совершенно иной мир – мир красоты, музеев, живописи. Она могла часами ходить по музейным залам, отставая от всех, стоя в задумчивости перед картинами старинных мастеров. Это

было для нее настоящим потрясением. «Настанет день, когда у меня будет свой музей», – мечтала Пегги. Она решила брать уроки живописи, чтобы хоть немного приблизиться к миру, в котором ей было так интересно.

К 1919 году Пегги исполнился 21 год – день, который она ожидала с нетерпением. Теперь она могла получить причитающуюся ей сумму наследства, могла распоряжаться своей жизнью, самостоятельно путешествовать. Пегги расправила крылья. Флоретт мечтала о достойной партии для средней дочери, она была недовольна выбором Бениты. Ее старшая дочь вышла замуж все в том же 1919 году за американского летчика Эдварда Мейера. Флоретт считала, что он неподходящая партия для Бениты Гуггенхейм. Но молодые люди любили друг друга, и лишь невозможность иметь детей омрачала их союз. Бенита умерла в 1927 году после очередной неудачной попытки иметь ребенка.

Пегги в детстве и ранней юности была довольно хорошенькой. Но по мере взросления она, в отличие от сестер, утратила деликатность черт. Пегги унаследовала огромный нос Гуггенхеймов, что ее приводило в отчаяние.

В 20-х годах прошлого столетия пластическая хирургия находилась лишь на начальной стадии развития. Операции по коррекции внешности были редкостью, однако Пегги с помощью друзей разыскала хирурга, который согласился сделать ей пластическую операцию.

К сожалению, результат и обещания разительно отличались. Операция проводилась под местным наркозом, это не избавило Пегги от сильной боли, и она попросила прекратить операцию задолго до ее фактического завершения.

Пегги была страшно огорчена результатом, и это чувство сопутствовало ей всю жизнь. Она избегала фотографироваться в профиль, ненавидела свой нос, по-настоящему страдала. Люди, окружающие Пегги, не были особенно деликатны в высказывании своих впечатлений и часто давали ей обидные прозвища, смеясь над ее носом, сравнивая его то с картофелем, то с баклажаном.

Дело усугублялось еще тем, что Пегги любила выпить, и нос, в зависимости от количества выпитого, приобретал различные оттенки – от красного до лилового, на нем проступали прожилки, – в целом, это было малопривлекательное зрелище.

Пегги все еще жила дома, но в своих мыслях и желаниях она находилась весьма далеко, она чувствовала, что вскоре покинет Штаты, отправится туда, откуда ее предки начинали свой путь – в Европу.

«Двадцатые ревущие годы», как их называли в Америке, были

периодом становления нового послевоенного поколения. Недавняя революция в России, война, в которой американцы принимали участие, расшатали прежние моральные устои, низвергли идеалы. Сама Америка тогда, в 20-е годы, была молодой страной – ей было всего 140 лет от роду.

Все начиналось заново, отвергалось старое, женщины спешили громко заявить о своей самостоятельности, избирая для этого подчас нелепые формы протеста. Начиналось с внешних проявлений – юбки сразу стали короче, макияж – вызывающим, женщины начали открыто курить, посещать злачные заведения.

Нью-йоркский Гринвич-виллидж стал прибежищем художников, актеров, поэтов – всех тех, кто причислял себя к артистической богеме. Их привлекал низкая арендная плата, удаленность от центральных магистралей. Молодые люди жили коммунами, нравы были свободными. Приехав туда, можно было увидеть молодых женщин и мужчин, которые разукрашивали яркими красками лица, тела, женщины красили губы черной помадой, волосы – яркой зеленой, синей, фиолетовой красками.

Эпохи сменялись удивительно быстро. Пегги и ее ровесники родились в викторианскую эпоху, к 20-м годам они уже были представителями поколения джаза. Затем, с легкой руки Гертруды Стайн, их стали называть «потерянным поколением». Они стремились вырваться из окружающего их узкого мирка с задернутыми шторами, стремились туда, где звенит Вечный Праздник – в Париж!

АМЕРИКАНЦЫ В ПАРИЖЕ

Пегги несколько раз была в Париже. Но это было в детстве, под присмотром гувернанток, а сейчас, когда она стала самостоятельной молодой дамой, все приобрело иной оттенок. Она приехала в Париж весьма состоятельной особой – Флоретт определила ей годовое содержание в размере 22 тысяч долларов. Это была солидная сумма денег. В то время курс доллара по отношению к франку был весьма выгодным: один доллар стоил двадцать франков. За пять долларов в день можно было жить безбедно в хорошем отеле. Эта цена включала также обильный завтрак и транспортные расходы.

Обитатели Гринвич-виллидж стремились в Париж, он им представлялся Меккой искусства, свободной любви, жизни, лишенной отягощающих условностей.

Термин «потерянное поколение» как нельзя более точно определяет молодых послевоенных американцев, эмигрировавших в Европу. Если быть точным, эти слова Стайн позаимствовала у механика из автомобильной мастерской. Так он, сердясь, называл своих молодых помощников.

Гертруда Стайн – писательница-американка, ставшая патроном молодой артистической богемы, организовала у себя салон, куда приходили Пикассо, Матисс, Кокто, Дюшамп, Эрнест Хемингуэй и Скотт Фицджеральд, Эзра Паунд, Т. С. Элиот и другие.

Гертруда Стайн прибыла в Париж в 1903 году, она была одной из первых собирательниц произведений современного искусства. В ее парижском доме на 27 rue de Fleurus, переполненном картинами, скульптурами начинающих и уже признанных художников, собирался цвет парижской богемы. Каждый уважающий себя художник считал своим долгом посетить салон мадам Стайн. Тут он находил поддержку, получал множество ценных советов, отсюда, как из гнезда, вылетели, расправив крылья, многие художники, ставшие впоследствии знаменитыми.

Хемингуэй вспоминал, как Гертруда Стайн, чей бюджет был довольно скромным, говорила, что в то время одежда и картины стоили примерно одинаково. «Никто, кроме очень богатых, не может себе позволить и то, и другое. Если ты не обращаешь внимания на моду и на то, как ты одет, то вполне можешь собрать приличную коллекцию современной живописи», – говорила Гертруда и, действительно, не обращала внимания на свою одежду. Все, кто описывал ее внешность, отмечали, что одета она

была всегда в одно и то же старое черное платье, края которого изрядно пообтрепались.

В то время серьезные собиратели интересовались в основном работами трех представителей кубизма: Пикассо, Брака и Леже. Первые выставки Пикассо устраивал в небольшом мебельном магазине, тогда его работы можно было купить за 500 франков. Работы Матисса продавались от 250–300 франков. Дилеры скупали десятками работы молодых художников и придерживали их до лучших времен, которые пришли довольно быстро.

Артистическую богему, и особенно американцев, привлекали тихие улицы Парижа, небольшие кафе, где всегда вился легкий дымок сигарет, набитых не только табаком…

В районе Монпарнаса американцы жили целыми колониями, особой популярностью пользовалось кафе Dome. Писатель Скотт Фицджеральд писал: «Dome стал культурным центром, я бы сказал, настоящим офисом для приехавших американцев. Сюда приходили для того, чтобы найти работу, место для ночлега. Американцев было так много, что «настоящие» художники перебрались в другое кафе – Closerie des Lilas, где сидел и писал Хемингуэй. В каждом кафе были свои завсегдатаи, свои чудаки, странные личности. Художники разукрашивали лица и тела своих любовниц, используя их как холсты. Вид у них был фантастический».

Алкоголь был составной частью жизни богемы и окружения. Пили много, нравы были легкими, встречались и расставались без особых сложностей.

Приехав в Париж, Пегги сразу окунулась в эту атмосферу вечного Праздника, который, по утверждению Хемингуэя, был «всегда с тобой».

В Париже Пегги встретила множество знакомых по Гринвич-виллидж. Был среди них и человек, которому суждено было сыграть важную роль в жизни Пегги. Его звали Лоуренс Вэйл. Он происходил из весьма состоятельной семьи, мать была американкой, отец – французом. Лоуренс был американским гражданином, рожденным во Франции, он получил образование в Оксфорде, где изучал современные языки. Владея в совершенстве французским, итальянским и английским, он некоторое время служил переводчиком в штабе американской армии. Обладая европейскими манерами, Лоуренс говорил по-английски с французским акцентом, пользовался большим успехом у женщин.

Пегги и Лоуренс встретились в Париже у общих знакомых. К тому времени Лоуренс, обретя репутацию художника и писателя, обзавелся артистической внешностью, отпустил длинные волосы и приобрел экстравагантный гардероб. Молодой человек был

хорош собой, знал Париж вдоль и поперек, умел рассказывать забавные истории и окончательно покорил Пегги. После званого обеда у общих знакомых Лоуренс позвонил Пегги в отель Plaza, где она остановилась, и пригласил на прогулку по Парижу. Несмотря на свои тридцать с небольшим, Лоуренс все еще жил вместе с родителями в огромной квартире возле Булонского леса.

Пегги надела на первое свидание элегантный костюм от модного дома Шанель, отделанный самым дорогим мехом – она хотела поразить Лоуренса шикарным нарядом. Прогулка была прекрасной, они шли не спеша по Елисейским Полям до Триумфальной Арки, а затем гуляли по набережной Сены. Утомившись от долгой ходьбы, Пегги предложила зайти в бистро, где они выпили по бокалу белого вина, а затем Лоуренс отвез Пегги домой. С тех пор они начали встречаться регулярно. Пегги была по-настоящему влюблена. Лоуренс произвел хорошее впечатление и на Флоретт. Она была довольна – будущее дочери виделось ей в розовом свете.

Свадьба была скромной, Пегги даже не покупала свадебного платья – обошлась лишь покупкой новой шляпы. Молодые провели медовый месяц на острове Капри. По возвращении Пегги поняла, что у них вскоре будет ребенок.

Однако это была не единственная новость. После месяца, проведенного вместе с Лоуренсом, Пегги обнаружила, что ее муж – настоящее чудовище. Он постоянно выпивал, и, выпив, становился жестоким, буйным. Начинал все крушить вокруг, особенно любил издеваться над Пегги. Однажды, когда она принимала ванну, он изо всех сил нагнул ее голову под водой и стал душить. Ей удалось спастись, но страх остался. Лоуренс приводил с улицы кого угодно: уличных девок, клошаров, заставляя Пегги принимать их со всеми почестями. Его буйные выходки часто заканчивались полицейскими арестами. Пегги всякий раз забирала его из участка, внося большой выкуп.

С рождением ребенка – сына, которого назвали Синдбад, ничего не изменилось. Лоуренс продолжал пить, часто не ночевал дома, но, очевидно, Пегги все еще надеялась на то, что произойдет чудо, и он изменится. Однако чуда не произошло, и даже рождение второго ребенка – дочери, которую назвали Педжин, не изменило поведение Лоуренса к лучшему.

Семейная жизнь не заладилась: это был сплошной хаос, в котором унижения, побои чередовались с пьянками и оргиями. Пегги испытывала чувство вины перед детьми. Подрастая, они становились свидетелями страшных сцен.

В конце июля 1927 года Пегги случайно открыла телеграмму, высланную из Нью-Йорка, почему-то на имя Лоуренса.

Телеграмма содержала страшное известие о смерти Бениты – старшей сестры, с которой Пегги была духовно близка. Она поклялась никогда не возвращаться в Соединенные Штаты и сдержала бы это слово, если бы не вторая мировая война.

Пегги была так потрясена смертью сестры, что обратилась к известным гадалкам. Они предсказали ей, что она встретит на юге Франции человека, которому суждено стать ее вторым мужем. Она имела неосторожность рассказать об этом Лоуренсу. Он так рассвирепел, что дал ей пощечину на улице, сопроводив это весьма нелестными эпитетами. Она ему ответила в том же духе. Разыгралась отвратительная сцена, Лоуренса забрали в полицию, Пегги на следующий день освободила его, внеся значительный денежный выкуп. Ее терпение иссякло, это положило конец их и без того нестойкой семейной жизни.

Гадалки предсказали Пегги, что вскоре ее семью ждет еще одно большое потрясение, еще одна страшная трагедия. Увы, их предсказание сбылось…

Младшая сестра Хэйзел, жившая в то время в Англии, поняв всю тщетность попыток стать художницей, решила развестись со своим мужем Милтоном – оба пришли к выводу, что совместная жизнь невозможна.

Милтон был талантливым журналистом и, по-видимому, просто устал от постоянных нервных срывов и истерик своей супруги. В доме не прекращались скандалы. Хэйзел решила дать себе и детям небольшой отдых и отправилась в Нью-Йорк. Там, проведя несколько дней в отеле Plaza, она решила навестить своего кузена Одри.

Он недавно женился и снимал пентхауз на шестнадцатом этаже Surrey Hotel на 76-й улице. Хэйзел пришла с двумя сыновьями – Терренсу в то время было четыре года, а Бенджамину 14 месяцев. Она не предупредила о времени своего визита, и, поскольку хозяев не было дома, горничная пригласила Хэйзел с детьми в дом. Затем она сказала, что ей нужно на короткое время отлучиться, и предложила Хэйзел подождать Одри и его жену на террасе.

Гостиная пентхауза выходила на плоскую крышу, часть которой представляла собой огороженный зимний сад с калиткой. Что случилось дальше – покрыто тайной, хотя восстановить трагическую картину несложно. Невысокое, всего полметра высотой, ограждение, не стало препятствием для расшалившихся малышей…

Как впоследствии говорила сама Хэйзел, у нее и у детей закружилась голова, случилось непоправимое. Дети разбились насмерть, упав с головокружительной высоты на крышу дома,

находившегося на тринадцать этажей ниже. Как могло произойти подобное, так и осталось мрачной тайной. Хэйзел давала противоречивые показания, она вообще была не в состоянии говорить об этом, попросту впадая в безумие.

Ходили упорные слухи о том, что Гуггенхеймы заплатили огромные взятки детективам, чтобы прекратить расследование.

Хэйзел долгое время лечилась в европейских санаториях, а впоследствии вышла замуж за англичанина и родила двоих сыновей.

Как пишет один из биографов Пегги, у Хэйзел, по-видимому, была железная психика, если она смогла так быстро оправиться от случившегося. Но вплоть до ее кончины в 1995 году над ней витала тень подозрения в преднамеренном убийстве своих малолетних сыновей.

Об этом вскользь упоминалось в прессе, эта леденящая кровь история всегда была окутана покровом тайны. Впрочем, для супербогатого и могущественного клана Гуггенхеймов не составляло труда прекратить все расследования и публикации на эту тему.

ЛЮБОВЬ И ИСКУССТВО

«Мои основные увлечения в жизни – это секс и искусство», – утверждала Пегги. О ее разнообразных любовных увлечениях ходили легенды. Пегги их не опровергала, напротив, – с удовольствием рассказывала шокирующие подробности своих любовных романов. Нисколько не обременяя себя соблюдением приличий, Пегги влюблялась в мужчин и женщин, причем ее не смущало, если намеченная жертва была связана брачными узами, Пегги всегда достигала цели.

Она хвасталась, что не в состоянии упомнить имена любовников: их было больше тысячи. Чаще всего это были мимолетные связи, инициатором которых была Пегги. Она утверждала, что сделала больше двадцати абортов. В числе своих любовниц-женщин она называет громкие имена, среди них – Йоко Оно, голливудские звезды, представительницы старинных итальянских династий. «Через мою постель прошли все самые знаменитые люди», – говорила она с гордостью.

Ее дом – будь это Париж или Лондон, Америка или Европа – всегда был местом сексуальных оргий. Присутствие детей в доме ее не смущало. Впоследствии, когда ее дочь Педжин подросла, она тоже принимала участие в пьяных сборищах, делила любовников с матерью. Это полностью разрушило ее как личность, она превратилась в наркоманку и покончила жизнь самоубийством, когда ей было всего сорок лет.

Неуемная страсть к сексу соединялась у Пегги с любовью к искусству. Собственно, это было их, Гуггенхеймов, семейное: в каждом поколении этого клана было несколько довольно странных личностей, посвятивших себя живописи.

Художницей, правда, как утверждают критики, весьма посредственной, была и младшая сестра Пегги – Хэйзел.

Пегги было суждено стать современницей таких мастеров как Шагал, Пикассо, де Чирико, Дюшамп, Эрнст, Дали, Бранкузи и др. На ее глазах зарождались и развивались направления живописи: кубизм, сюрреализм, абстрактный экспрессионизм. Это было время расцвета модернистского искусства, когда выставки художников-сюрреалистов открывались в европейских столицах и пользовались огромным успехом.

В Англии издавался журнал International Surrealist Bulletin, в котором публиковались отчеты о выставках, критические эссе, репродукции картин ставших тогда знаменитыми Пикассо, Миро, Эрнста, Дали и других.

Тогда, в 1936 году, Пегги почувствовала, что она увлечена

современным искусством. Зерна, посеянные мужем Лоуренсом, его друзьями-художниками, прорастали в ее душе. Она чувствовала, что это – ее мир, ее призвание. Создание собственной коллекции картин было ее давнишней мечтой, но она не знала, как это сделать, с чего начать.

Ее родной дядя, брат отца, Соломон Гуггенхейм, собрал бесценную коллекцию работ старых мастеров и начиная с 1926 года под руководством немецкого аристократа и художника Хилла фон Рибэй увлекся современной живописью. Он начал собирать работы Василия Кандинского.

Пегги не могла себе позволить покупать работы старых мастеров, а приобретение произведений современных художников вполне соответствовало ее финансовым возможностям. Коллекционирование работ художников-модернистов еще не вошло в моду, поэтому картин и художников было намного больше, чем дилеров.

Пегги всерьез задумывалась над тем, чтобы начать коллекцию. К этому шагу ее подтолкнуло письмо ее приятельницы-тезки, Пегги Уолдмэн, которое она получила в мае 1937 года.

Рассказав о новостях светской жизни, ее подруга писала: «Я думаю, моя дорогая, что было бы весьма перспективно заняться чем-то серьезным и интересным, Это отвлекло бы тебя от неудач на любовном фронте. Среди наиболее приемлемых вариантов я вижу издательское дело или собирание картин».

Это письмо пришло вовремя – Пегги как раз переживала очередной бурный любовный роман. Он закончился весьма неудачно, и Пегги искала выход своей неуемной энергии. Предложение приятельницы заставило ее задуматься, и это дало свои плоды. В конце 1937 года она, следуя советам своего друга и наставника художника Дюшампа, приобрела несколько работ современных мастеров, которые положили начало будущей галерее.

1937 год оказался нелегким для Пегги. После тяжелой болезни умерла Флоретт. Каждая из дочерей – Хэйзел и Пегги – получили по 500 тысяч долларов наследства. Эта значительная сумма пришлась как нельзя более кстати. Пегги решила создать большую галерею и всерьез занялась поисками помещений, а также достойных работ, которые могли бы дать отличную репутацию новой коллекции.

Ее помощником стал предприимчивый рыжеволосый толстяк по имени Вин Хендерсон, который, несмотря на череду любовников Пегги, всегда был рядом. Он не только нашел отличное помещение для галереи, но также создал модель

будущего бизнеса, познакомил Пегги с основными принципами работы галереи. Он явился автором названия галереи, которое впоследствии никогда не менялось – Guggenheim Jeune. В Париже большой славой пользовалась галерея современного искусства Bernheim Jeune. Лондонская галерея Гуггенхейм подчеркивала свою духовную и профессиональную связь с парижской.

Пегги принялась за новое дело с присущим ей энтузиазмом. Целыми днями она вместе с Дюшампом и Вином посещала мастерские художников, смотрела, сравнивала, жадно училась всему новому. Дюшамп был прекрасным наставником, он преподал ей основы современной живописи, рассказал, в чем состоит отличие абстракционизма от сюрреализма, творчество Дали от работ де Чирико, открыл неизвестных современных художников, которым суждено было стать великими.

В скором времени открытие галереи становилось все более реальным событием. Пегги во всем полагалась на своих советников Вина и Дюшампа, и они полностью оправдали ее ожидания. Вин подготовил к печати каталоги и афиши, позаботился об интерьере галереи.

Район West End в Лондоне в то время был мало кому известен. Однако Дюшамп сказал: вскоре это место станет самым престижным для художников. Его предвидение сбылось. После долгих поисков он остановился на помещении по адресу 3 ˚Cork Street. Пришлось кое-что перестроить, объединить несколько комнат, но в результате получилось неплохое помещение для галереи.

Пегги надеялась на успех задуманного, однако было и немало сомнений. Нужно отдать должное ее смелости: в то время лишь очень немногие дилеры отваживались вкладывать деньги в современное искусство, продвигать на рынок работы малоизвестных художников.

…Открытие галереи состоялось 24 января 1938 года. Это был несомненный успех. Нарядная публика заполнила помещение галереи. Во время открытия было продано несколько работ, Пегги была счастлива: она не ожидала ничего подобного. По случаю открытия галереи Пегги получила в подарок от знаменитого американского скульптора Александра Колдера серьги его работы. Она их тут же надела.

На банкете собрался цвет артистической богемы – шампанское и вина лились рекой, играл приглашенный небольшой оркестр, нравы были свободными, словом – начало было удачным.

Окрыленная успехом, Пегги рьяно взялась за устройство выставки Василия Кандинского. Их познакомил все тот же

Дюшамп, и выставка была намечена на февраль 1938 года. Кандинский и его молодая жена Нина, которая, буквально, не отходила от него ни на шаг, тщательно готовили выставку. Это была первая экспозиция работ знаменитого 70-летнего мастера. Она включала в себя ретроспекцию работ, сделанных в период с 1910 по 1937 год. Так случилось, что Кандинский рассорился с Соломоном Гуггенхеймом, который в течение нескольких лет поддерживал и спонсировал художника. Поэтому предложение Пегги пришлось как нельзя более кстати. Нужно отметить, что выставка не имела большого успеха, но все равно художник был рад представить свои работы в Лондоне. Эта выставка послужила причиной раздора между Соломоном Гуггенхеймом и Пегги – ее дядя считал, что племянница не «доросла» до того, чтобы иметь собственную галерею и представлять современных художников, он считал, что она посягнула на чужую территорию.

Круг художников, а следовательно, любовников, ибо одно было неразрывно связано у нее с другим, расширялся. Пегги всегда умела окружать себя людьми, которых, казалось бы, невозможно принимать ни в одном приличном обществе. Все они – Ив Танги, Сэмюэл и Джойс Беккет, Макс Эрнст, Константин Бранкузи, Поль Элюар и другие, были людьми, выражаясь деликатно, неординарными. Они бросали вызов обществу не только внешним видом, но и образом жизни, громкими скандалами, пьяными дебошами. Но… «все они чертовски талантливы, и я люблю их за это», – восклицала Пегги, беспомощно разводя руками.

Ив Танги занимал особое место в этом длинном списке. Француз по рождению, Ив в подростковом возрасте познакомился и сдружился с Пьером Матиссом, сыном знаменитого художника. Увлечение искусством и алкоголем произошло одновременно. К моменту встречи с Пегги Ив Танги добился значительных успехов в обеих областях. Знакомство с богатой любвеобильной дамой было «манной небесной», как он сам выражался, для бедствовавшего тогда художника. Он был женат, но наличие супруги не смутило ни его, ни Пегги.

«Ив был прелестным, как дитя, скромным, мягким», – пишет Пегги в своих мемуарах. Однако он резко преображался во время запоев, его скромность, мягкость и некоторая детскость улетучивались. Пегги увезла его в Бретань, поселившись вместе с ним в просторном крестьянском доме. Однако сельская идиллия длилась недолго. Пегги не выдержала такой нагрузки и вернула Ива его жене. Они остались друзьями, как, впрочем, у нее было и со многими бывшими любовниками, которые после «дружбы» с Пегги приобретали широкую известность, а следовательно, и

значительно улучшали свое материальное положение.

Сколь удивительна и непредсказуема судьба произведений искусства! Разве мог румынский скульптор Константин Бранкузи предполагать, что почти столетие спустя, в 2005 году, его небольшая бронзовая скульптура «Птица» будет выставлена на одном из самых престижных аукционов Sothbey's, и один из поклонников его творчества купит ее за баснословную цену – 137 миллионов долларов!

Бранкузи – невысокий, неряшливо одетый человек, с длинной всклокоченной седой бородой, был похож на сказочного тролля, гнома, обитавшего в лесах Трансильвании. Он был поклонником тибетской философии одиннадцатого века, своим скульптурам придавал мистическое значение и продавал их сам, отчаянно торгуясь с покупателями. «Они – мои дети, я хочу, чтобы у них была счастливая судьба», – говорил он.

Он пригласил Пегги отобедать у него в мастерской. Еду он готовил сам на газовой плитке. Там же он плавил бронзу, готовил какие-то снадобья из трав. Воздух в мастерской стоял тяжелый, Пегги еле дождалась конца обеда. Она почти не дотронулась ни до одного из блюд. Бранкузи ел жадно и все время говорил об искусстве, о тибетской философии. Обед закончился, и Пегги купила скульптуру «Птица» за тысячу долларов. Да, ту самую, которая в 2005 году была выставлена на аукционе Sothbey's. Ее окончательная цена – 137 миллионов долларов.

Пегги продолжала жадно искать работы современных художников, она посещала мастерские, пускала в ход обаяние, красноречие, платила не торгуясь, но далеко не все соглашались продавать ей работы.

Пикассо слышал о богатой американке, которая покупает работы, но относился к ней как к дилетантке, ничего не смыслящей в настоящем искусстве. Когда Пегги пришла впервые к нему в мастерскую, он был окружен толпой поклонников и делал вид, что ее не замечает. Однако, наконец, повернулся к ней и сказал: «Мадам, отдел белья находится на втором этаже».

…Париж всегда был переполнен сплетнями, скандалами, особенно когда речь шла о «богеме», – художниках, артистах. Пегги познакомилась с Гала Дали, женой художника Сальвадора Дали. Она знала историю этой женщины, которая вышла замуж за поэта Поля Элюара и, прожив с ним двенадцать лет, разошлась. Она была «сумасшедшей русской», эта хрупкая, на вид болезненная женщина. Елена Ивановна Дьяконова – таково было ее подлинное имя. Не удивляйтесь, если вы встретите другое имя – Галина Дмитриевна Дьяконова, в обоих случаях речь идет о той же самой персоне. Правдой будет и то, что Поль Элюар, тоже

«сумасшедший гений», предпочитал любовь втроем. Он вынудил к этому и Гала, избрав в качестве партнера своего фронтового друга художника Макса Эрнста. Некоторое время они жили втроем, приводя в изумление «нормальных обывателей».

Поль Элюар открыл своей молодой жене радость познания живописи, научил ее понимать современную живопись. У Поля была прекрасная коллекция работ современных художников. Чтобы поправить материальное положение, он вынужден был ее продать известному собирателю картин Рональду Пенрозу. В своей расписке Элюар свидетельствует, что он продал коллекцию из ста картин и предметов искусства, в которой, между прочими, были: шесть картин Чирико, десять – Пикассо, сорок – Макса Эрнста, восемь – Миро, три – Танге, шесть – Дали, три – Клея, десять – Шагала. Все это он отдал за сумму в полторы тысячи франков. Сегодня эта колекция попросту не имеет цены.

Нужно заметить, что позднее Элюар крайне сожалел о содеянном и пытался выкупить некоторые из работ, но безуспешно – невероятно возросшие цены не позволили ему сделать это.

Гала, именно так, с ударением на последний слог звали эту женщину, – познакомилась с молодым испанским художником Сальвадором Дали. Как говорят романисты, «внезапная страсть вспыхнула ярким огнем», и Гала решила уйти от Элюара. Она была старше Дали на несколько лет и была для него всем: божеством, матерью, продюсером. Она вошла в круг богатых покровителей искусства, сделала все, чтобы имя Дали зазвучало громче иных имен.

С Пегги Гуггенхейм Гала не могла найти общий язык – их характеры, моральные устои были слишком сходными – каждая была зеркальным отражением другой.

Тем не менее Пегги понимала, что в ее коллекции должны быть работы Дали. Она купила несколько работ испанского художника, и на этом ее контакты с Гала прекратились. Встречаясь в обществе, они холодно раскланивались, но не более того.

ВОЙНА И МУЗЫ

Галерея, которая была открыта с такой помпой, не приносила ожидаемого дохода. Тем не менее Пегги лелеяла мечту о создании Музея современного искусства (Museum of Modern Art), подобного тому, который создал ее дядя Соломон в Нью-Йорке. Она планировала организовать его в Лондоне и даже собрала, с помощью меценатов, довольно большую сумму. Однако время была выбрано неподходящее – коричневые тучи нацизма сгущались над Европой. Закрывались художественные галереи, в одном из последних выпусков «Бюллетеня художников» было опубликовано письмо без подписи. Крупным шрифтом были набраны пророческие слова:

> «В САМОМ СТРАШНОМ СНЕ ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, ЧТО НАС ОЖИДАЕТ. НАШИ ВРАГИ СОБИРАЮТСЯ НАС УНИЧТОЖАТЬ, УБИВАТЬ, РАЗРУШАТЬ НАШЕ ИСКУССТВО.
>
> БОРИСЬ С ГИТЛЕРОМ И ЕГО ИДЕОЛОГИЕЙ КАК ТОЛЬКО МОЖЕШЬ! СПАСАЙ СВОЙ МИР!»

В 1937 году Гитлер выступил с публичной речью, в которой провозгласил свое видение искусства, нападая на художников и требуя, чтобы они представили искусство в «чистом виде». Из немецких музеев и галерей поспешно убирали полотна, не соответствующие его доктрине. Тысяча триста художников были преданы остракизму, их работы были либо сожжены, либо уничтожены. Среди них произведения Эрнста, Пикассо, Клее, Кандинского, Бекмана, Брака, Матисса и других. Немецкие артдилеры были разорены. Они забрали принадлежащие им картины из галерей, музеев, пытались их спасти от уничтожения.

Многие работы были выставлены на аукционы, они уходили по невероятно низким ценам. Так, Макс Бекман ушел за двадцать долларов, Кандинский – за пятьдесят, Клее – за сто.

В 1938 году по настоянию нацистов в Мюнхене была организована выставка под названием «Дегенеративное искусство». Уже в самом названии содержалась оценка работ и отношение к ним. На ней были представлены работы современных художников. Однако замыслы организаторов провалились. Задуманная как посмешище, она имела невероятный успех. Ее посетило более двух миллионов немцев. Вопреки намерениям устроителей, она только подняла авторитет художников, что невероятно рассердило чиновников от искусства.

Настоящие ценители искусства и артдилеры понимали, что настал их час. Они скупали работы модернистов буквально за гроши, составив прекрасные, бесценные в будущем коллекции. Также поступала и Пегги Гуггенхейм, она поняла, что ее миссия не просто скупать работы, но спасать художников, близких и дорогих ей людей, от грядущего режима нацистов.

Франции грозила немецкая оккупация, это было очевидно. Ясно было также и то, что Соединенные Штаты примут участие в военных действиях, поэтому американский паспорт Пегги не спасал ее в создавшейся ситуации, а, наоборот, ухудшал положение. Жизнь ее детей Педжин и Синдбада тоже находилась в опасности.

Время работало против Пегги, нужно было как можно скорее уезжать из Европы в Америку. Предстоял невероятно сложный переезд. Пегги понимала, что она надолго покидает столь милые ее сердцу места, ей предстояло собрать всю разросшуюся коллекцию картин, оформить массу документов, и, по возможности, приобрести еще несколько десятков работ у художников.

Однако трудности ее никогда не страшили, наоборот, в сложных ситуациях у нее как бы открывалось второе дыхание, она чувствовала прилив сил и энергии и решительно бралась за дело. Пегги доверила упаковку своей коллекции старейшей французской фирме Rene Lefebvre-Foinet, а сама занялась множеством не терпящих отлагательств дел. Нужно было также закрыть галерею в Лондоне, написать большое количество писем, расписок, доверенностей и пр., и пр., все это она никому не могла доверить. Политическая ситуация во Франции была очень сложной, особенно большие испытания выпали на долю евреев.

Правительство Виши, заключив позорное перемирие с нацистской Германией, предало собственный народ и лакейски выполняло все приказы немецких хозяев, часто даже опережая их инициативы.

Приказ от 27 сентября 1940 года запрещал всем евреям возвращение на оккупированные территории. Евреям возбранялось преподавать в школах и высших учебных заведениях, работать на радио и в прессе, в театрах и киноиндустрии, заниматься писательской и научной деятельностью.

Евреев-иностранцев ожидали концлагеря, та же участь была уготована и прогрессивным немецким ученым, писателям, художникам, всем, кто не поддерживал нацистов.

Французское правительство не теряло времени, преследуя и изгоняя евреев из страны. Этого требовал пакт, подписанный

французским правительством во главе с маршалом Петеном после оккупации Парижа германскими войсками в курортном городке Виши. Немедленная эвакуация была единственным спасением для евреев-интеллектуалов, ученых, художников, писателей, находящихся во время войны в Париже.

Пегги готовилась к отъезду из Парижа. Работа продвигалась медленно, но уверенно. Были сооружены огромные деревянные ящики, в которых уместились картины, личные вещи Пегги, ее детей и близких друзей. Перед отъездом она решила приобрести несколько работ Макса Эрнста и пришла к нему в мастерскую.

Нужно сказать, что Макс Эрнст, немец по происхождению, был персона нон-грата в Германии. Он жил несколько лет в Париже, но так и не стал гражданином Франции. Немецкий еврей, он был весьма нежелательной фигурой во Франции. Макс Эрнст был женат вторым браком на англичанке Леоноре Кэррингтон, женщине из состоятельной семьи, но совершенно неприспособленной к жизни. Она витала в мире грез, была романтичной особой и мужественно переносила все тяготы, выпавшие на ее долю. А их было предостаточно. Накануне войны они с Максом купили старый крестьянский дом на юге Франции. Дом был большим и пустынным, осенью и зимой там было неуютно и сыро, зато в теплое время года там было красиво – дом стоял в окружении старого запущенного сада.

Леонора была невероятно доверчива. Когда Макса упекли в лагерь, она осталась совсем одна. Этим и воспользовался какой-то проходимец. Убедив ее в том, что, продав дом, она получит много денег, он попросту обманул ее. Леонора, отчаявшись когда-нибудь увидеть Макса, решила уехать из Франции. Ее состоятельный отец помог оформить нужные документы, и она отправилась в Испанию, где у нее было несколько знакомых. Все пережитое сказалось на состоянии ее здоровья. В Мадриде она пошла к посольству Великобритании и выкрикивала призывы убить Гитлера, что, заметим, совсем не свидетельствовало о ее психическом расстройстве.

Тем временем Макс, после пребывания в нескольких «трудовых» лагерях, возвратился в Париж, где у него была небольшая мастерская. Именно туда, с целью приобрести несколько его работ, пришла Пегги Гуггенхейм. Дальше случилось то, что случилось. Пегги была очарована Максом, ей нравилась его живопись, несколько странная и сумбурная, его манера говорить, его пронзительно синие глаза. Она решила взять его в Америку, спасти от неминуемой гибели в этой страшной войне. Макс тоже почувствовал, что ему нравится эта уверенная в себе, могущественная и богатая женщина. Провожая

ее к выходу, он спросил: «Где и когда я смогу снова вас увидеть? Правда, я не знаю – зачем это нужно». «Завтра в четыре в Cafe de la Paix, и вы знаете зачем», – последовал точный и практичнывй ответ.

Эта встреча положила начало новому периоду в жизни Пегги Гуггенхейм. Он был бурным, мятежным, непредсказуемым, как и все в жизни этой необыкновенной женщины.

Но вот, наконец, сборы были закончены, и 13 июля 1941 года Пегги с двумя детьми, Педжин и Синдбадом, а вместе с ней Макс и несколько общих близких друзей, тоже с детьми, погрузились в самолет Pan Am Clipper, который взял курс на Нью-Йорк.

Путешествие из Европы в Америку, занявшее несколько дней, оказалось не из легких. Дети впервые летели самолетом, они с трудом переносили полет. Казалось, этому не будет конца. Пегги совершенно измучилась, она ни в ком не находила поддержки. Макс вел себя хуже, чем дети. Он все время ворчал, был всем недоволен и отказался принимать пищу. Наконец, настал долгожданный миг: они увидели статую Свободы, небоскребы Манхэттэна. Сердце у Пегги дрогнуло – она вернулась домой.

Причины, по которым Макс Эрнст пребывал в дурном расположении духа не заключались лишь в долгом и сложном перелете. Дело в том, что в Нью-Йорке жил его сын Джимми, он его оставил, когда мальчику было два года. Макс тогда ушел от первой жены и начал жить с Полем Элюаром и Гала. И вот миг свидания неумолимо приближался. Макс предупредил Джимми о своем приезде телеграммой. Первые минуты были неловкими, Джимми не узнал отца, Макс – сына. Немудрено – ведь прошло столько лет! Однако Макс выучил английскую фразу: «Не11о, Jimmy! How are you?» Разрядить обстановку пришлось все той же неутомимой Пегги. Она обняла Джимми и подарила ему стодолларовую банкноту.

Пегги и ее спутников встречало большое количество людей. Это были друзья юности, художники, артдилеры – все, для кого возвращение представительницы рода Гуггенхейм имело значение. Сенсацией было и прибытие одного из крупнейших европейских художников – Макса Эрнста, чьи работы начали приобретать известность в Америке.

Нью-Йорк в июле был попросту невыносим для людей, привыкших к умеренному европейскому климату. Кондиционеров еще не существовало, а выносить высокую влажность в сочетании с сорокоградусной жарой было непросто.

Тем не менее Пегги сразу же принялась за дело. Она старалась, чтобы Макс почувствовал себя комфортно в столь непривычной обстановке. Знакомства, вечеринки сменяли друг

друга, Пегги буквально осыпала его подарками, зная, как он любит красивую одежду и элегантные безделушки. Временным жильем им служил Great Northern Hotel.

…Подходил к концу сентябрь 1941 года.

БОГЕМА НЬЮ-ЙОРКА

Нью-Йорк был родным городом Пегги, она принадлежала к высшему обществу этого города, знала все тонкости общественной и светской жизни. Несмотря на долгое отсутствие – прошло двадцать два года со времени отъезда в Европу, – ее не забыли. Однако ей показалось, что прошла вечность, так изменились страна, город, люди. Взмылись, подпирая небо, небоскребы. В 1933 году был возведен Empire State Bilding – все это поразило Пегги. Америка 40-х годов разительно отличалась от той страны, из которой она уезжала.

Новая жизнь получила отражение и в искусстве, особенно наглядно – в живописи. Появилась целая плеяда молодых дерзких американских художников, которые не уступали европейским собратьям. Именно здесь, в Нью-Йорке, Пегги решила осуществить свой замысел: создать Музей современного искусства, завершить то, что ей не удалось сделать в Европе из-за начавшейся войны.

Была у этой неутомимой, экстраординарной женщины еще одна, очень личная и интимная цель: женить на себе Макса Эрнста, стать миссис Макс Эрнст. Неизвестно, что было труднее – создать Музей или сломить упрямого Макса. Для начала нужно было найти подходящее жилье – в отеле им было тесно.

Удача, как всегда, сопутствовала Пегги, и ей удалось взять в аренду целый дом, который находился в самом конце East 51 Street. Это был большой старый особняк, в котором было семь спален, несколько комнат для прислуги. Там была просторная гостиная, в которой Макс поместил свою коллекцию этнической скульптуры, словом, о лучшем жилье нечего было и мечтать. Этот дом служил пристанью, ковчегом, местом для разгульных оргий, приютом для бездомных художников, став настоящим магнитом для богемы.

В Нью-Йорк приезжали европейские художники, все, кому удалось спастись от нацистского режима. У Пегги некоторое время жили Шагал, Леже, Челищев, Мондриан, Танге, Поллок, Леви и множество других. В этом доме влюблялись, ревновали, скандалили и пили очень много алкоголя.

Пегги украсила одну из стен своей спальни коллекцией из серег, которые ей дарили художники – в то время это было модным увлечением. Ее шумные парти были нескончаемы, день перетекал в ночь, в их жизни не было никаких правил, царил лишь один неписаный закон: удивить, поразить выдумкой, экстравагантным видом и нарядом. Полное отсутствие одежды

никого не шокировало, это воспринималось спокойно, как часть декора.

Вопрос о женитьбе Пегги неоднократно обсуждала с Максом, но он не скрывал своего отрицательного отношения к этому. Было очевидно, что он не любит Пегги, что попросту принимает ее опеку и деньги, что, живя в Америке, спасается от нацистского режима, от неминуемой ссылки в концлагерь.

Их отношения были далеки от идиллических, скандалы стали обычным явлением, доходило и до рукоприкладства – оба отличались буйным темпераментом.

Тем не менее Пегги упорно шла к своей цели стать миссис Эрнст. Как всегда, она добилась того, к чему так стремилась. Однако это не повлияло в лучшую сторону на характер их отношений – они даже ухудшились. Макс понял, что у него нет выхода, он должен «отработать» свое спасение. Хотя он и так «отплатил» своей благодетельнице, отдав ей самые интересные работы.

Деятельная и энергичная, Пегги была полна решимости открыть галерею, конечно же, Галерею с большой буквы. Она нашла подходящее место – в центре города, на 30 West 57th Street. Раньше там помещалась швейная мастерская (кстати, и сейчас там модельное агентство с пошивочным цехом). Ее привлекло то, что там был высокий потолок, хорошее освещение, понравилась и необычная удлиненная форма большой комнаты. Пегги хотела поразить художественный мир Нью-Йорка. Она понимала, что роскошные золоченые рамы никак не сочетаются с острым и лаконичным языком современной живописи. Пегги решила вообще отказаться от рам и традиционных темно-красных стен.

О, у нее было много идей, но необходим был человек, который поймет ее, поможет воплотить в жизнь ее замыслы.

Такой человек нашелся. Им оказался Фредерик Кислер. Румынский еврей, которому в то время было пятьдесят с небольшим, эмигрировал в Америку в конце двадцатых годов. Он сочетал в себе множество талантов: был дизайнером, художником, архитектором. Его эго было обратно пропорционально его росту, который составлял 142 сантиметра. Кислер дружил с сюрреалистами, его скромные апартаменты служили местом сбора нью-йоркской богемы. Он, безусловно, опережал свое время, он фонтанировал идеями, однако они зачастую были настолько смелы, что их не решались воплотить в жизнь.

Пегги встретилась с Кислером и осталась довольна этой встречей. Оба согласились, что работы на стенах должны висеть без рам, что в то время было новой идеей, оба придавали большое

значение освещению картин. Пегги хотела открыть галерею как можно скорее, но Кислер, принявшись за работу, скрупулезно придерживался принятого в самом начале дизайна и не соглашался на компромиссы.

Пока Кислер, окунувшись в работу с головой, работал над дизайном, Пегги готовила каталоги, покупала новые работы, в том числе у Пикассо и Дали, и заказывала туалеты для грандиозного приема, который она намеревалась дать в день открытия галереи.

Наконец наступил этот, столь ожидаемый, день. Пегги в тот вечер была в белом. Ее элегантный вечерний наряд выделялся на фоне ярких картин, черного потолка и пола галереи. Согласно проекту Кислера, длинное помещение было разделено на четыре части. Перегородки между комнатами легко трансформировались, можно было делать любые выгородки, что создавало дополнительные удобства. Стены комнат, где экспонировались абстрактные работы и кубистические сукльптуры, были обтянуты холстом, покрашенным в темно-синий цвет, пол был бирюзового оттенка – любимый цвет Пегги. Картины без рам, казалось, парили в воздухе – они висели на невидимых глазу тонких шнурах. В комнате, где демонстрировались работы сюрреалистов, пол и потолок были черного цвета, а стены – цвета натурального дерева, каждое полотно монтировалось на подвижной подпорке, которую можно было повернуть под любым углом, что позволяло посетителям рассмотреть картину как нельзя лучше.

Семь работ Поля Клее были помещены в отдельную комнату, где со вкусом подобранное освещение, цвет стен и потолка «работали» в пользу столь необычной живописи.

Открытие галереи было сенсационным. Пресса захлебывалась от восторга, удивления, отвращения – словом, все было так, как того хотела Пегги, так, как ей мечталось. Экспозиция галереи носила громкое название, которое вошло во всемирную историю искусств: Art of This Century. Выставка существовала несколько лет, она пользовалась огромным успехом и служила существенной поддержкой для художников. Они выставляли свои работы, продавали их, словом, это было то, к чему они стремились, о чем мечтали.

Пегги выставляла в основном работы американских художников. В последнем сезоне были выставлены работы Джексона Поллока. Однако, несмотря на все старания Пегги и ее помощников, продажа картин шла вяло, публика не была подготовлена к восприятию авангардной живописи. В запасниках галереи все еще громоздились непроданные полотна.

Пегги подарила одну небольшую работу Поллока своему приятелю Джимми Эрнсту на свадьбу. Его молодая жена была огорчена: «О, Джимми, нам не нужны картины, мне нужна машинка для открывания консервов». Эта история имеет продолжение. Спустя одиннадцать лет Джим Эрнст продал эту картину за тридцать тысяч долларов, принес деньги жене, сказав при этом: «Вот твоя машинка для открывания консервов».

31 мая 1947 года, в субботу, галерея закрыла свои двери. Закончился еще один период жизни Пегги Гуггенхейм. Впоследствии ее деятельность была высоко оценена. Так, в журнале The Nation появилась статья, в которой отмечали большую роль, которую Пегги Гуггенхейм сыграла в развитии американской авангардной живописи. «Выставки Art of the Century были самым крупным событием в художественной жизни Нью-Йорка. Трудно переоценить роль Пегги Гуггенхейм в создании и поддержке целого направления в живописи, которое получило название абстрактного экспрессионизма. Ее галерея была фундаментом, основанием для этой группы интересных художников. До нее никто ничего подобного не создавал. Она оказалась нужным человеком, появившимся в нужное время, в нужном месте. Это останется в истории».

В мае 45-го закончилась вторая мировая война. Европа медленно приходила в себя, этот процесс был долгим и сложным. Люди оказались в совершенно ином мире, непохожем на тот, который был в 1939-м. Все изменилось: отношение к жизни, мода, политика. Иным стало и отношение к искусству. Большинство европейских художников, которые иммигрировали в Нью-Йорк, к концу войны постарели, их лучшая пора пришлась на 20-е и 30-е годы. Вернуться к прошлому было невозможно. Творческий пыл многих из них угас, сузился круг единомышленников – многие вернулись в Европу. Пегги, с присущей ей интуицией, поняла, что настало и ее время переезжать в Европу. Лишь там, говорила она своим близким друзьям, возможно продолжить то, чему она посвятила свою жизнь. Европа манила ее, и жемчужиной в этой богатой короне была Венеция – город-легенда, о котором Пегги мечтала с детства.

ВЕНЕЦИЯ

«В этом городе – все чудо. Освещение меняется несколько раз в день. В летние рассветные часы солнце отражается в глади каналов, его отсвет порождает в душе восторг. С каждым часом воздух и освещение набирают силу, становятся голубовато-фиолетовым, этот чудесный свет обволакивает город бриллиантовой дымкой. Затем наступает время заката. Воздух и вода преображаются, становятся пурпурно-золотыми. Это потрясающе. Каналы манят тебя, зовут, требуют, чтобы ты сел в гондолу. В эти короткие часы вся Венеция принадлежит им. Тихая гладь воды, в которой отражаются дворцы потрясающей красоты и величия, буквально завораживают каждого. Нет, такую картину не может изобразить никто из художников», – этот восторженный гимн Венеции написала Пегги Гуггенхейм в своей автобиографической книге «Out of This Century».

Прибыв в Венецию в начале 1946 года, Пегги не тратила времени зря. Она довольно быстро вошла в артистическую богему города, познакомилась с местными художниками. Этому помогла ее репутация и слава мецената, известного коллекционера авангардного искусства. Венецианские художники мечтали о встрече с богатой американкой, они стремились познакомиться с Пегги, представить ей свои работы. Этому способствовало проводившееся в Венеции каждые два года Biennale – международная выставка-ярмарка современного искусства, на которой каждая из крупных стран имела свой павильон. Эта традиция, ведущая начало с середины 1890 года, была прервана войной, но после войны традиция возродилась, и Пегги имела возможность представить свою коллекцию.

Она была в восторге, полна энтузиазма. Она снова была в центре внимания, встречалась со старыми друзьями, которые приехали из Франции, Англии, Америки, устраивала бесчисленные парти, заводила новые знакомства. Ее имя стало известным в высшем обществе Венеции, ее приглашали в дома венецианской знати. Пегги упорно искала для себя жилье, в котором могла бы свободно разместиться. Одна из ее новых приятельниц – графиня Пьянтелли, сказала, увидев коллекцию картин Пегги: «Знаете, дорогая, если вы выбросите всю эту современную дрянь, у вас будет неплохой дом».

1948 год стал для нее знаменательным: с помощью новых итальянских друзей она нашла идеальный дом для своей коллекции картин и скульптур.

Палаццо Venier dei Leoni находится на берегу Grand Canal. За

двести лет до появления Пегги в Венеции этот роскошный дворец был построен для знаменитого венецианского рода Venier, гербом которого была голова льва – отсюда и название Leoni. Как известно, лев также является символом Венеции. У старинного дворца, как и полагается, была давняя история. Среди его обитательниц было несколько экзотических фигур. Они отличались неукротимым нравом и оригинальностью поведения.

Из поколения в поколение передавались рассказы о знатной аристократке маркизе Казатти, которая приобрела дворец в 1910 году. Она была, что называется femme fatale – роковой женщиной. Ее любовные романы, как правило, заканчивались весьма трагично для поклонников. Маркиза одевалась подчеркнуто вызывающе, часто давала шумные балы. Дворец был декорирован в два цвета – черный и белый. Одежда слуг и дворецкого во время приемов была весьма лаконичной – она состояла из двух больших золотых листьев. Маркизу всегда сопровождали две обезьянки с бриллиантовыми ошейниками, ежегодно она давала грандиозные балы в Венеции, закрывая для этого вход на площадь св. Марка.

Маркиза Казатти умерла в 1957 году в полном одиночестве, в съемной комнате, оставив долг в 50 миллионов долларов.

В 1938 году, когда маркиза выехала из дворца, его купила виконтесса Диана Кастлеросс. Она его полностью перестроила и тут же сдала в аренду сыну Дугласа Фербенкса. Диана была необычайно элегантна, красива и капризна. О ее причудах ходили легенды. Пегги Гуггенхейм, купив палаццо за 60 тысяч долларов, продолжая традиции экстравагантных предшественниц, устроила на крыше солярий, где всегда загорала обнаженной. Как раз напротив палаццо находился банк, и клерки частенько толпились у окна, наблюдая за Пегги. Эта ее привычка возмущала жителей Венеции, которые недвусмысленно высказывали свои эмоции. Пегги, в свою очередь, тоже изменила интерьер палаццо, сделав его простым и удобным. Она разместила свою огромную коллекцию картин и скульптур, устроила галерею, словом, старинный дворец зажил новой жизнью.

Пегги была влюблена в Венецию, она приобрела две гондолы, облачив гондольеров в стилизованные костюмы, в которых доминировали ее любимые цвета: белый и бирюзовый. Четырехчасовая прогулка по каналам стала ее ежедневным ритуалом. Она сократила прогулки до двух часов будучи уже в весьма преклонном возрасте. Ее венецианский палаццо служил временным пристанищем многим известным людям, среди которых были Марк Шагал и Жан Кокто, Генри Мур и Сол Стейнберг, Теннесси Уильямс и Сомерсет Моэм, Игорь и Вера Стравинские, Чарли Чаплин и Трумэн Капоте. Кто-то из них

просто навещал Пегги, кто-то гостил неделями или даже месяцами.

«Палаццо в Венеции был обиталищем муз, – вспоминает одна из приятельниц Пегги, художница Рита Альберт, – тут звучала музыка, создавались художественные полотна, актеры соревновались в мастерстве, писатели читали фрагменты новых произведений».

Пегги сидела, скорее, восседала на старинном венецианском кресле-троне в окружении своих любимых белоснежных болонок. Их всегда было в доме около полудюжины. Им она давала запоминающиеся имена и безмерно баловала.

Она щедро раздавала щенков друзьям и соседям, но несколько любимых болонок дожили с ней до кончины и были похоронены рядом со своей хозяйкой. Ее «любимыми бэби» были болонки по имени Капуччино, Мадам Баттерфляй, Белый Ангел, Бэби, Эмили, Гон-конг. Именно Пегги создала имидж американки-миллионершы с болонкой на руках.

Но самым большим ее увлечением, настоящей страстью, была коллекция картин. Она любила свои картины больше всего на свете, больше болонок, и уж, конечно, больше, чем своих детей – Педжин и Синдбада.

Да, Пегги была плохой матерью, она совершенно не заботилась о своих детях. С сыном она была очень далека, а с дочерью ее связывали весьма странные отношения – они были соперницами в любовных баталиях. Часто мать и дочь делили любовников, устраивали совместные оргии. Однако со временем Пегги поняла пагубность подобных эскапад, да и Педжин выросла, несколько раз была замужем, родила четверых детей, но юношеские впечатления не прошли даром – до конца своей недолгой жизни Педжин была надломлена психически.

Страшную весть о гибели дочери Пегги получила первого марта 1967 года во время пребывания в Мексике. Осталось невыясненным, что послужило поводом ранней смерти, – несчастный случай или самоубийство. Педжин, способная художница, страдала наркотической зависимостью от героина и алкоголя. Пегги это прекрасно знала, однако не предпринимала никаких шагов для спасения и лечения дочери.

Смерть дочери ввергла Пегги в глубокую депрессию, она тяжело переживала случившееся, обвиняла в произошедшем ее мужа Ральфа. Изливая душу в биографической книге, где Педжин было отведено много страниц, Пегги писала о ней, что «потеряла самого близкого человека, единственную родную душу, прекрасного художника».

Время было немилосердно к Пегги Гуггенхейм, она теряла

всех своих близких друзей – умерли многие художники, среди которых были и те, с кем ее связывали долгие годы дружбы – Кандинский и Поллок. Странной трагической смертью погиб Рауль Грегорич – отчаянный, дерзкий человек, с которым Пегги была счастлива несколько лет. После смерти Рауля Пегги решает предпринять большое путешествие и едет на Цейлон и в Индию. Она часто уезжала из Венеции в Мексику, Перу, по делам бизнеса посещала Нью-Йорк Там под звуки фанфар, в торжественной обстановке открывался Solomon R. Guggenheim Museum – основателем которого был ее дядя, брат отца Соломон Гуггенхейм.

ВЕНЕЦИНСКИЙ ЗАКАТ

Ее приезд в Нью-Йорк на сей раз не принес Пегги творческой радости, она категорически отвергла архитектуру нового музея: «Это напоминает мне огромный гараж, – писала она впоследствии, – для музея выбрано место, которое не соответствует его размерам и выглядит весьма странно. Я это сказала и архитектору – Фрэнку Ллойду Райту и дяде Соломону».

Не нравилась Пегги и живопись, которая была выставлена в музее, ей было незнакомо новое поколение авангардистов, она не воспринимала их творчество.

Пегги вознаграждала себя поездками в Филадельфию, где с удовольствием посещала Philadelphia Museum of Art и картинную галерею, которую собрал доктор Альфред Барнс – Barnes Foundation. Пегги не воспринимала начавшуюся коммерциализацию искусства – творчество Энди Уорхолла, его «Шесть Мэрилин», было ей чуждо.

Она начала собирать этническое искусство – скульптуру и живопись из Африки, Эфиопии, Океании.

Пегги пополняла свою венецианскую коллекцию, которая разрослась до весьма солидных размеров. Путешествия были ее страстью – в 1968 году, когда ей было семьдесят лет, она предприняла двухмесячный вояж по странам Востока. Ее не смущали тяжелые житейские условия – плохая питьевая вода, примитивные гостиницы, где номера были отделены друг от друга куском грязной ткани. Пегги жадно впитывала увиденное, приобретала изделия местных художников.

В 1969 году Пегги выставила часть своей коллекции в Нью-Йорке. Это был огромный успех, выставка длилась две недели, на ней побывали все самые известные люди Америки. Благодаря этому событию разветвленный клан Гуггенхеймов собрался вместе. Конечно, прибыли далеко не все родственники – ведь многие даже не знали, кто именно состоит с ними в родстве.

На встрече был решен важный вопрос – определенную часть расходов по содержанию коллекции взяла на себя Solomon R. Guggenheim Foundation. Дядя Соломон отлично вел дела, щедрые спонсоры оплачивали значительную часть расходов.

Вернувшись домой после долгого отсутствия, Пегги обнаружила, что палаццо находится в довольно плачевном состоянии. Она не истратила ни цента на ремонт, огромный запущенный сад во время дождя превращался в болото – дорожки не были вымощены, дренажные работы не производились, не было в нем и туалетов – гости облегчались либо за деревьями,

либо отправлялись в ближайшее кафе.

В довершение ко всему палаццо не охранялся, и в 1971 году, когда Пегги была в Лондоне, воры легко проникли внутрь и украли пятнадцать работ. Полиция их обнаружила и вернула Пегги, но она крайне легкомысленно относилась к вопросам охраны, и попытка украсть большее количество картин повторилась. Закончилось это тем, что в палаццо установили систему сигнализации, но Пегги никак не могла привыкнуть к тому, что нужно ее включать, поэтому огромный дворец часто оставался без охраны.

В декабре 1974 года Пегги Гуггенхейм получила весьма лестное предложение от дирекции Лувра устроить выставку ее коллекции. Пегги была польщена, она всегда любила Париж, не говоря уже о Лувре. Конечно, со временем Париж уже утратил славу лидера современного искусства, но для Пегги он все еще хранил очарование 20-30-х годов. Это было время ее юности, когда она только начинала собирать картины. Выставка длилась довольно долго, почти год и пользовалась огромным успехом. Это было, пожалуй, последнее крупное событие в ее жизни.

…80-летие Пегги Гуггенхейм праздновалось шумно, во дворец приехали ее внуки. Некоторых из них Пегги увидела впервые. Сын Синдбад произнес прочувствованную речь, было много гостей, но потом все разъехались, и Пегги осталась в огромном дворце вместе с преданным дворецким, который выполнял множество функций, охраняя свою старую хозяйку, исполняя ее капризы. Здоровье продолжало ухудшаться. Но Пегги по-прежнему выезжала каждый день в гондоле любоваться венецианским закатом.

В сентябре произошел случай, который отрезал все нити, связывающие ее с внешним миром. Венецианские друзья пригласили ее на званый обед в Лидо. Он закончился поздно, наступили сумерки, и, садясь в лодку, Пегги поскользнулась и упала, подвернув ногу. Друзья на руках пронесли ее из гондолы в постель, рентгеновский снимок обнаружил перелом.

Уезжая в госпиталь, Пегги взяла роман Достоевского «Братья Карамазовы», она рассчитывала на долгое лечение.

Она умерла в воскресенье, 23 декабря 1979 года. Ее сын как раз собирался приехать на Рождество к матери. В Венеции была ужасная погода – три дня шел непрерывный дождь, и Синдбад вместе с дворецким бросились спасать картины из подвального помещения – там был настоящий потоп.

Согласно завещанию, Пегги была кремирована, и урна с ее прахом помещена в саду, рядом с «любимыми беби» – верными болонками. На похоронах присутствовало всего четыре человека –

сын Синдбад и дворецкий, оба с женами. Они открыли бутылку шампанского и выпили по бокалу в память о великой, эксцентричной, презирающей все условности, женщине – ПЕГГИ ГУГГЕНХЕЙМ.

* * *

Прошло несколько лет, и все преобразилось в венецианском дворце Venier dei Leoni. Энергичные, деловые люди привели в порядок запущенный огромный сад, заново отремонтировали палаццо. Теперь сад называется Nasher Sculpture Garden, в память о богатом коллекционере из Техаса, который вложил несколько миллионов долларов в Peggy Guggenheim Collection.

Посетители ходят по асфальтированным дорожкам, посещают ресторан, небольшие сувенирные магазинчики. Туристы со всего света, приехав в Венецию, приходят посмотреть это прекрасное собрание авангардной живописи.

Трудно переоценить заслуги Гуггенхеймов в истории современного искусства. Благодаря их преданности, таланту, самоотверженности созданы Solomon R. Guggenheim Museum на Пятой авеню в Нью-Йорке, Guggenheim SoHo в Манхэттене, Venier dei Leoni в Венеции, Deutsche Guggenheim в Берлине, Guggenheim Museum в Бильбао.

Работают многочисленные фонды, создаются новые проекты открытия гуггенхеймовских объектов в Шанхае, Токио, Венеции и других точках земного шара. Это ли не лучший памятник преданным рыцарям Искусства, неутомимым собирателям знаменитых коллекций – Пегги и Соломону Гуггенхейм?

Другие книги серии «Лики великих»

«Жизнь в борьбе и фресках. Бен Шан»
«Русская муза парижской богемы. Маревна»
«La Divina – Божественная. Мария Каллас»
«Виртуоз от Бога. Исаак Стерн»
«Загадка доктора Барнса. Доктор Альберт Барнс»
«Династия филантропов. Мозес и Уолтер Анненберг»
«Творец за дирижерским пультом. Леонард Бернстайн»
«Его называли «живой легендой». Владимир Горовиц»
«Еврейский певец негритянского народа. Джордж Гершвин»
«Он песней восславил Америку. Ирвинг Берлин»
«Его скрипка плакала и пела. Иегуди Менухин»
«Король джаза. Бенни Гудмен»
«Великий скиталец – покоритель звуков. Артур Рубинштейн»
«Еврей из Витебска – гордость Франции. Марк Шагал»
«Из Смиловичей в парижские салоны. Хаим Сутин»
«В граните и в бронзе. Яков Эпштейн»
«Прометей, убивающий коршуна. Жак Липшиц»
«Первая леди американской скульптуры. Луис Невелсон»
«Пластика ожившего дерева. Леонард Баскин»
«Путь к славе и гибели. Марк Роцко»
«Из туземных хижин в музеи мира. Морис Стерн»
«Певец земли израильской. Рейвен Рубин»
«Мастер пластики и его Маргарита. Уильям Зорач»
«Великий портретист из Ливорно. Амадео Модильяни»
«Музыка, воплощенная в камне. Эрик Мендельсон»
«Последний импрессарио. Сол Юрок»
«Великий шоумен из маленького штеттл. Эл Джолсон»
«Шоу, любовь и… сигары. Джордж Барнс»
«И жизнь, и песни, и любовь… Эдди Фишер»

Об авторах

Елена Аркадьевна Мищенко *– профессиональный журналист, долгие годы работала на Гостелерадио Украины. С 1992 года живет в США. Окончила аспирантуру La Salle University, Philadelphia. Имеет ученую степень Магистр – Master of Art in European Culture.*

Александр Яковлевич Штейнберг *– архитектор-художник, Академик Украинской Академии архитектуры. По его проектам было построено большое количество жилых и общественных зданий в Украине. Имеет 28 премий на конкурсах, в том числе первую премию за проект мемориала в Бабьем Яру, 1967 год. С 1992 года живет в США, работает как художник-живописец. Принял участие в 28 выставках, из них 16 персональных.*

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»